

Я спустился с крыши.

Смиренно выслушал порцию критики и нравоучений от пожарных и равнодушных граждан.

Тот самый старик с рупором стал главной звездой в толпе.

По-прежнему не выпуская мегафона из рук, он зычно пересказывал хронологию событий прибывающим зевакам, изредка выкрикивая лозунги:

— Будьте людьми, делайте добро! Я вот просто обожаю помогать ближним, хлебом не корми — дай выручить, понимаете?

— Жизнь дается только раз, цените ее, берегите себя!

Что ж, этот дед заслуженно забрал титул лучшего игрока этого дня.

...

Когда суматоха улеглась, Ся Юйгуан повез нас с Сюй Сяохун в больницу, где лежал Лань Дяо.

Он настоятельно усадил меня на переднее пассажирское сиденье, поскольку хотел высказать мне все, что думает, прямо по дороге.

— Сюй Цин, у меня слов на тебя нет! Я-то думал, ты все осознал, отпустил ситуацию и двигаешься дальше.

— Я уже, черт возьми, сам собирался снова начать ухлестывать за Лань Дяо!

— Но ты... ты, блин!..

— Ты устроил такую дичь, подставив своего братана!

От избытка эмоций он даже яростно засигналил плетущейся впереди машине.

— Сюй Цин, ты вообще о сестре подумал?!

— Я тебе вот что скажу:

— Если бы ты прыгнул, Лань Дяо железно сиганул бы следом.

— А если бы не стало Лань Дяо, то и мне на этом свете ловить нечего, я бы тоже жить не стал!

— И в итоге тебя нет, Лань Дяо нет, меня нет, а твоя сестра осталась бы круглой сиротой! Ты меня вообще слышишь?!

Ся Юйгуан матерился всю дорогу, брызжа слюной мне прямо в лицо.

Но я впервые поймал себя на мысли, что он, вообще-то, чертовски хороший парень.

Уж в чем в чем, а в уходе за тяжелобольными я разбирался как никто другой.

Десять лет назад, когда моя мама проводила свои последние дни в постели, именно я неотлучно заботился о ней.

По сравнению с мамой, Лань Дяо держался еще молодцом.

Должно быть, сказывалась молодость — даже на данном этапе у него находились силы шутить и вызывать у меня улыбку.

С бледным, измученным болезнью лицом он слабо улыбался мне.

Он говорил, что если бы знал, будто на больничной койке я буду сдувать с него пылинки, то заболел бы гораздо раньше.

И умер бы в тот самый момент, когда я любил его сильнее всего.

Так он навсегда остался бы моей самой незабвенной и прекрасной утратой.

Наговорив этой чепухи, он заговорщически подмигнул, безмолвно требуя от меня ответа.

Я перехватил его ладонь, поднес к губам и принялся покрывать поцелуями.

Я тихо произнес: «Лань Дяо, будь умницей, не говори больше таких глупостей».

Лань Дяо послушно притих и больше не порол чушь — так мы и прожили рука об руку от самого лета до глухой зимы.

33

Пришла очередная зима.

Каждую зиму я начинаю ловить себя на иррациональной, безумной тревоге.

Потому что для меня зима никогда не была хорошим временем года.

Лань Дяо заметил, как изменилось мое настроение.

Он вскинул брови и задорно произнес:

— Сюй Цин, ну чего ты боишься? Боишься, что я умру?

— А давай поспорим!

— Спорим, что я стопроцентно переживу эту зиму?

Он заявил, что если выиграет он, то я обязан остаться с ним на всю оставшуюся жизнь.

А если проиграет, то он завещает мне все свои деньги.

— Сюй Цин, скажи же, я умный?

— Если я оставлю тебе все свои деньги, ты уже никогда в жизни не сможешь меня забыть.

Я ответил, что мне не нужно ни гроша.

Я сказал, что мне не нужны его деньги, я и так буду помнить его вечно.

Пока я это говорил, у меня перехватило дыхание, а в глазах предательски заблестели слезы.

Но Лань Дяо лишь рассмеялся.

Его глаза сощурились в аккуратные полумесяцы, а сам он улыбался, словно хитрый котенок.

Он тихонько хмыкнул и протянул:

— Сюй Цин, ты и правда любишь меня до безумия.

— Так что в этом споре победа железно за мной.

— Вот увидишь, тебе придется расплачиваться со мной до конца своих дней.

34

Лань Дяо сдержал свое слово.

Он выиграл этот спор.

И когда лед со снегом окончательно растаяли, уступив место весне, мы получили самое прекрасное известие в нашей жизни —

Нашлось подходящее сердце.

От великого и великодушного донора органов.

Угасающая жизнь в свои последние секунды оставила этому миру прощальный дар, подарив новую надежду тем, кто отчаянно цеплялся за существование.

Любовь и жизнь продолжили свой ход в этом мире.

35

На пятый год наших отношений мы уехали за границу, чтобы расписаться.

Лань Дяо на радостях потащил меня за собой, загоревшись идеей объездить весь земной шар.

Нашей первой остановкой стал визит к сестре, которая как раз проходила лечение за рубежом.

Заодно мы планировали проведать нашего одинокого бывшего, Ся Юйгуана, который развернул там свой бизнес.

Однако этот самый бывший выступил с решительным протестом.

Во время созвона он без умолку отчитывал меня в трубку:

— У Сяохун все пучком, я присматриваю за ней, так что спите спокойно!

— И не вздумайте приходить ко мне, видеть вас двоих не желаю, пощадите мое разбитое сердце, спасибо за понимание!

— Но вообще я парень широких взглядов, так что выслал вам свадебный подарок...

— Самый большой размер, целую коробку!

— По себе выбирал, Сюй Цин, надеюсь, тебе жать не будет?

— Ого-го какой агрегат, сам понимаешь...

— Но вы там полегче, у Лань Дяо здоровье не железное, держи себя в руках, просек?!
...

С годами его манера трепать языком стала еще невыносимее.

Прежде чем мои уши окончательно покрылись мозолями, я решительно сбросил вызов.

Под аккомпанемент собственного смеха я поднял глаза и увидел Лань Дяо: он сидел в шезлонге на балконе, не выпуская из рук телефон.

Он грелся на солнышке и вовсю хихикал, уткнувшись в экран.

Я принес тарелку с нарезанными фруктами и спросил, что его так развеселило.

Лань Дяо помахал мне телефоном и, расплывшись в улыбке, ответил, что читает комментарии подписчиков.

Лань Дяо недавно вернулся к своему блогу, который забросил на долгое время.

И, начав все с чистого листа, он неожиданно быстро добился успеха.

— Эй, Сюй Цин, тут новый фанат спрашивает, какие у нас отношения.

— Ну и что мне ответить? Кто я для тебя?

Он перехватил мою левую руку, осторожно очерчивая пальцем кольцо на безымянном пальце.

Скармливая ему кусочек фрукта правой рукой, я отозвался:

— Разумеется, законный супруг.

Но такой ответ его не устроил, и он шутливо скорчил мне гримасу:

— Что-что ты сказал? Слишком тихо, я ничего не слышу!

Лань Дяо такой очаровательный, я люблю его до беспамятства.

Я наклонился к нему, поцеловал, а затем, не отрывая взгляда от этого невероятного человека, озвучил свой самый главный и полный ответ:

— Я сказал...

— Лань Дяо — это для Сюй Цина...

— главная любовь всей его жизни.